

Юнусова В.Н.

П. И. Чайковский атындагы Москва мамлекеттик консерваториясы, чет элдик музыканын тарыхы кафедрасы, искусство илимдеринин доктору, профессор

Юнусова В.Н.

Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, кафедра истории зарубежной музыки, доктор искусствоведения, профессор

Yunusova V.N.

Moscow State Conservatory P. I. Tchaikovsky, Department of the History of Foreign Music, Doctor of Arts, Professor

**САЛТТУУ МУЗЫКАЛЫК АСПАПТЫН ААЛАМЫ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГДАГЫ МУЗЫКАЛЫК ЧЫГЫШ ТААНУУ МЕКТЕБИНИН
ТҮПТӨЛҮШҮ)**

**ВСЕЛЕННАЯ ТРАДИЦИОННОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА
(К СТАНОВЛЕНИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ МУЗЫКАЛЬНОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ)**

**THE UNIVERSE OF THE TRADITIONAL MUSICAL INSTRUMENT (TOWARDS THE
FORMATION OF THE ST. PETERSBURG SCHOOL OF MUSICAL ORIENTAL
STUDIES)**

Аннотация: Макаланын автору, белгилүү органиолог жана изилдөөчү В.И.Юнусова кыскача, так жана эң негизгиси ынанымдуу негизде, акыры 20-кылымдын 90-жылдарында түптөлгөн советтик (азыркы орус) музыкалык чыгыш таануу илиминин түптөлүшүнүн жана жетишкендиктеринин негизги элементтерин негиздүү караган. Бул музыкалык чыгыш таануу илими Россиянын Искусство тарыхы институтунун аспаптык изилдөө секторунда калыптанганын белгилейт.

Аннотация: В статье кратко, четко, убедительно и самое главное аргументированно рассматриваются основные элементы становления и достижения советского(ныне российского) музыкального востоковедения окончательно сформировавшего в 90-е годы 20-столетия. В секторе инструментоведения Росийского института истории искусств.

Abstract: The article briefly, clearly, convincingly and most importantly argumentatively examines the main elements of the formation and achievements of the Soviet (now Russian) musical Oriental studies that finally formed in the 90s of the 20th century. In the instrumentation sector of the Russian Institute of Art History.

Ачкыч сөздөр: системалык-этофондук ыкма; этноорганиологиялык багыт, адамдардын руханий жана материалдык маданият тутумундагы аспаптарды изилдөө; Санкт-Петербургдагы изилдөөчүлөр мектебинде үч түрдөгү этноорганиологдор, чыгыш таануучулардын калыптанышы.

Ключевые слова: системно-этофонический метод; этноорганиологическое направление, исследования инструментов в системе духовной и материальной культуры народа; становлений трех типов этноорганиологов-востоковедов в Санкт-Петербургской школе исследователей.

Keywords: system-ethnophonic method; this is an organic direction, research of instruments in the system of spiritual and material culture of the people; the formation of three types of ethnoorganologists-orientalists in the St. Petersburg School of Researchers.

Российское музыкальное востоковедение (11:159) сформировалось к 1990-м годам на основе этномузыковедческого, музыкально-исторического, теоретического и музыкально-культурологического направлений отечественной науки. В постсоветский период выделились четыре основные научные школы: Московская (Московская государственная консерватория им П.И. Чайковского, Институт искусствознания, Академия музыки им. Гнесиных), Новосибирская (Новосибирская государственная консерватория им. М.И. Глинки), Дальневосточная (Дальневосточный институт искусств г. Владивосток). Санкт-Петербургская (Ленинградская) школа постепенно формировалась в двух подразделениях Российского института истории искусств (прежде ЛГИТМиК): в секторе фольклора и, позднее, в воссозданном секторе инструментоведения. Хотя представители последней никогда не провозглашали ее создание и не мыслили себя в рамках отечественного музыкального востоковедения, научное сообщество уже признало существование этой школы(10;6).

Корни петербургского музыкального востоковедения уходят к 1930-м годам и связаны с деятельностью Б.В. Асафьева и Р.И. Грубера (до 1942 года), которые также сыграли значительную роль в становлении Московской школы. Они не только поставили задачу изучения внеевропейских музыкальных культур, но и практически осуществили задуманное в рамках учебных курсов: Всеобщей истории музыки, Истории музыки народов СССР (последнее вместе с В.М. Беляевым).

В период 1970-1992 годов востоковедческое направление было важным, а в определенные годы (по числу аспирантов, занимающихся данной проблематикой) даже преобладающим в деятельности сектора фольклора, который долгие годы возглавлял замечательный советский ученый В.Е. Гусев (1918-2002). Именно в эти годы в научной деятельности тогда еще молодого исследователя И.В. Мациевского сформировался комплекс методов (в центре которого находится системно-этнографический), составивший основу не только этноорганологии, но и музыкального востоковедения. Этноорганологическое направление стало преобладающим в Санкт-Петербургской школе, определяя ее своеобразие (в Московской школе развивались историко-культурологические исследования, в Новосибирской и Дальневосточной-теоретические востоковедческие изыскания).

Обозначив триаду: Музыкальный инструмент-Музыка-Музыкант, как основу системно-этнофонического метода, - И.В. Мациевский охватил гораздо более широкий круг проблем, в том, числе, он фактически создал системную структуру, включившую, среди прочих, проблем звука и его специфики, музыки и не музыки, звукового ландшафта. В этом его позиции были близки к высказанным в то же время Дж. К. Михайловым (1938-1995)-основателем Московской школы музыкальной культурологии (3;4). В эту систему вошли и звуковые идеалы (Ф. Бозе), фиксируемые инструментом нормы музыкальной грамматики, параметры музыкального мышления, связанные как с жизненным укладом, языком, религиозными верованиями народа и многими другими факторами. Не случайно, определяя суть системно-этнофонического метода, И.В. Мациевский писал о необходимости «исследования инструментализма в системе духовной и материальной культуры народа» (1:35). Все это помещало изучаемый музыкальный инструмент в центр системы, сравнимой по масштабам со Вселенной, на краю которой оказывался исследователь, решившийся связать свою жизнь с

этноорганологией или музыкальным востоковедением. Тем более возрастала роль наставника, проводника по этой Вселенной. Такую роль выполняли как обозначенные секторы, так и наши выдающиеся ученые И.И. Земцовский и И.В. Мациевский (их вклад в данные области науки еще предстоит оценить).

Плодотворным для востоковедческих исследований стало обозначение Мациевским инструментального звучания как «иног мира, отличного от мира человеческой речи и пения, в чем-то более могучего и загадочного» (2:10). Для музыкального востоковедения этот мир часто в плане памятников ушедшей культуры. Он был ключевым в исследовании музыкальной культуры, ее понимании, интерпретации. Важность концепции инструментализма для музыкального востоковедения подчеркивает и тот факт, что исследование увидело свет на Востоке, в Казахстане.

Особое внимание к профессиональным музыкальным инструментам и сфере профессионального музыкального инструментализма отличало сектор фольклора и соответственно всю Санкт-Петербургскую школу. Не случайно именно здесь были выполнены ключевые (на мой взгляд) исследования по профессиональной музыке устной традиции и ее высшему звену-восточной музыкальной классике: казахским кюям, узбекскому и таджикскому шашмакому, азербайджанским мугамам, арабским макамам, киргизской, палестинской, уйгурской инструментальной музыке. В некоторых работах были впервые описаны и введены в научный обиход десятки(!) музыкальных инструментов: С. Субаналиев, О. Ришмави (5;7).

На основе комплексной подготовки этноорганологов-востоковедов, которую я описывал в подробностях в своей статье (9), в Санкт-Петербургской школе сложились три типа исследователей-востоковедов, различающихся базовой подготовкой и степенью владения традиционным, как правило, профессиональным, инструментом. Первый тип составили исследователи, имеющие базовое музыковедческое образование, подробно изучающие технологические параметры и технику игры, но не владеющие свободно (в силу сложности профессионального музицирования) инструментом (А. Мухамбетова, В. Юнусова, С. Кибирова, С. Субаналиев); второй, - музыковеды, хорошо овладевшие техникой игры (С. Утегалиева, П. Шегебаев,). Третий, новый тип исследователя, появившийся именно в этой школе, составили сами традиционные музыканты, получившие сначала образование в устной традиции, а затем, закончившие консерватории: как правило, отделение народных инструментов, либо восточной музыки (Ж. Расултаев, Ф. Челеби, О. Ришмави, М. Эшанкулов). Редким исключением здесь являлся тесно сотрудничавший с сектором фольклора казахский исследователь Б. Аманов (1943-1977), сначала освоивший домбру у традиционных музыкантов, а затем окончивший историко-теоретический факультет Ленинградской консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова.

Третий тип исследователей сформировал специфический и крайне важный для науки взгляд на традиционную музыку «изнутри» (постичь его стремились представители и первых двух категории), они также ввели новый тип фиксации музыки-самонатацию, позволяющую в дальнейшем изучать не только историческую эволюцию собственно традиции, но и самого музыканта. Такая запись фиксирует конкретное исполнение, что является специфической чертой традиционных нотаций Азии, а также может целенаправленно выявлять и фиксировать порой «не видимые» для музыковедческого исследования, модели построения соответствующих версий инструментальной пьесы и цикла. Все это придает самонатациям особую научную ценность.

Одним из основополагающих параметров изучения Вселенной традиционного музыкального инструмента, И.В. Мациевский и его последователи полагают «введение в сферу исследования проблемы исполнительства и личности музыканта» (1:35). Непосредственное общение с традиционными музыкантами позволило исследователям постичь многие секреты музыкального мышления, исполнительского стиля, параметров традиционных инструментальных школ и многое другое. Именно это неравнодушное отношение к исполнителю, на мой взгляд, и привело в ряды ученых исследователей третьего типа, т.е. самих традиционных музыкантов.

Среди авторов, наиболее последовательно воплотивших идею Вселенной музыкального инструмента, отмечу С. Утегалиеву, издавшую недавно книгу «Звуковой мир музыки тюркоязычных народов» (8), в которой объединяются традиции Санкт-Петербургской и Московской школ музыкального востоковедения, открывая новые возможности контактов в этой молодой отрасли науки.

Список использованной литературы:

1. Мациевский И.В. Народная инструментальная музыка как феномен культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 520с.
2. Мациевский И.В. Основные проблемы и аспекты изучения народных музыкальных инструментов и инструментальная музыка/Ред.-сост. И.В. Мациевский. М: Советский композитор, 1987. С. 6-38.
3. Михайлов Дж.К проблеме теории музыкально-культурной традиции // Музыкальные традиции стран Азии и Африки. Сб. тр. М.:МГК, 1986. С.3-20.
4. Михайлов Дж. Размышления об универсальной терминологии в музыке: существует ли она? Если нет, то возможно ли её создание? Если возможно, то есть, ли в этом необходимость?// Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки. М.,1990. С. 2-21 и др.
5. Ришмави О.Х. Музыкальные инструменты арабов Палестины. Дис.....канд. наук. Рос. Ин-т истории искусств. Санкт-Петербург, 2010. 199 с.
6. Субаналиев С. Киргизские музыкальные инструменты: идиофоны, мембранофоны и аэрофоны. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. 166 с.
7. Утегалиева С.И. Звуковой мир музыки тюркских народов: теория, история, практика (на материале инструментальных традиций Центральной Азии). М.: Композитор, 2013. 528 с.
8. Юнусова В.Н. Восточный контекст концепции инструментализма И. Мациевского //Контонация: перспективы музыкального искусства и науки о музыке / Сост. Т отв. Ред. В.А. Свободов. СПб.: Рос. акад. наук, Рос. ин-т истории искусств, 2011. С. 94-100.
9. Юнусова В.Н. Российское музыкальное востоковедение: становление и перспективы // Восток (ORIENS). №3,2014. С.67-76.
10. Юнусова В.Н. Творческий процесс в классической музыке Востока. Дис...докт. Искусствоведения. М., МГК им. П.И. Чайковского, 1995. 275 с.
11. Юнусова В.Н.К проблеме взаимодействия исторического музыкознания и российского музыкального востоковедения // Научный вестник Московской консерватории № 1(24), 2016. С. 145-155.